

Россия, которую мы обретем

Патриотические заметки о новом фильме Станислава Говорухина

Рос. газета. - 1992. - 26 авг. - с. 4.

Если рассматривать новую картину Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли» как продолжение предыдущей его ленты «Так жить нельзя» как часть дилогии (а впоследствии, может быть, и трилогии, столь нескончаема эта тема), то нетрудно убедиться в существенных отличиях и сходствах этих работ.

Сходство в одном, самом, пожалуй, важном. И та, и нынешняя картины вроде бы ничего нового нам о нас самих не сообщают. Мы и так про себя все знали и знаем. Но в руках режиссера, под его прицельным взглядом общеизвестное приобретает свойство концентрированности. Слово, сказанное с экрана, бесстрастно документальные кадры нашей духовной нищеты и хозяйственного разора сшибают наповал, не дают ни вздоха, ни продыха.

Однако есть и отличия у этих талантливых картин. В «России, которую мы потеряли» режиссер резко ограничил себя, поубавил нравоучительности. Он лишь, сгущая, сообщает известные све-

дения, предоставляя зрителю право распоряжаться этими сведениями самостоятельно. Нарочито бесстрастно, не дрогнув ни голосом, ни мускулом, называет он цифры и факты, рассказывает о людях и недлюдах, об их деяниях и злодеяниях. И от этой рассудительной, рассудочной бесстрастности становится во сто крат страшнее, чем от самого высокого эмоционального надрыва.

Эпохой вырождения назвал режиссер период прозябания нашей страны с октября 1917 года до дня сегодняшнего. Чтобы перевернуть великую страну, ввергнуть ее в бездну Великого Октября, надо было всего-навсего провозгласить право на бесчестие. И тогда то, что веками было нельзя, в один день и час стало можно. А когда можно все, то о каких нравственных запретах, о каком пределе дозволенности позволительно говорить и думать? Революция таких запретов не знала и другим запрещада их знать.

Режиссер и не питает особых иллюзий относительно скорого воскрешения страны

и нации. Он с нескрываемой болью выхватывает из нашей жизни лица — очень много лиц, — главные черты которых тлен и прах. Лица, потерявшие все человеческое, испытые, забытые, бездумные.

«Вступая в революцию, нельзя надеяться на последнюю кровь», — абсолютно справедливо полагает Станислав Говорухин. Кровь истории никогда не уходила в песок, а только бродила в жилах истории, ища варварского выплеска и выброса. Кровь рождает только кровь. Насилие рождает только насилие. Ничего другого кровь и насилие не могут привнести в историю по своему определению.

И вот тут возникает с виду маленькое, но на поверку весьма серьезное сомнение относительно кристальности чистоты замысла и помыслов автора «России которую мы потеряли» По главной магистральной идее Говорухина мы в 1917 году потеряли идиллическую, идеальную страну где в гармонии и духовной близости жили все сословия, языки и нации. Но

столь ли уж отеческими и сыновними были отношения империи и ее верноподданных?

Или Чехов не писал своих «Мужиков», а царская цензура не вымарывала из повести самые отчаянные стоны о беспросветности российской жизни? Или не покрывалась краской стыда и позора просвещенная патриотическая Россия от одного только упоминания имени Распутина? Или не было киншевского погрома 1903 года и не было 9 января 1905 года? Или не умирjali казаки столицы и окраины Российской империи?

Что — разве ничего этого не было? И дела Бейлиса не было, и гражданских подвигов Короленко не было и молчаливого императорского благословения на самые кровавые погромы которые только знала история. — тоже не было? И неужели не российская история и действительность «обогатили» филологии Европы не известным им словом «погром»? И не сам ли император уверенно вел империю к закату и безвластию, когда стало воз-

можным, чтобы власть похитили самые злобные и бездарные?

Говорухин не отрицает этих фактов истории. Он их просто не замечает. Они мешали бы ему в создании стройной концепции об утраченной России как идеальнейшей из стран. А все, что в концепцию не вписывается, то и не замечается, как если бы его и не было.

Такая уж капризная дама эта история — а российская история и того капризнее, — что всякая недосказанность, всякое умолчание оборачиваются неполнотой правды. А неполная правда мало чем отличается от полной лжи.

Но при всей может быть, и излишней суровости моих претензий к новому фильму Станислава Говорухина создается устойчивое впечатление того что он владеет материалом уникальным и постоянно пополняемым.

Возможно, он назовет свой будущий фильм примерно так — «Россия, которую мы обретем»?..

Валерий ТУРОВСКИЙ.